

битву 1914 года, оборону крепости Осовец (1914 – 1915), Эрзурмского сражения и взятие Трапезунда (1916), Брусиловского прорыва (1916).

Если бы не предательство изнутри – призыв «развернуть штыки против эксплуататоров», и нежелание союзников победы России в войне. Все могло бы сложиться по-другому, но это уже другая история.

Список использованных источников и литературы:

1. Гребенкин, К. М. «Была бы справедливость, о большем и не мечтали» : воспоминание солдата Первой мировой войны / К. М. Гребенкин // Исторический архив. – 2007. – № 4. – С. 45 – 69.
2. Даниленко, И. С. Нет более близкой связи, как связь людей, страдавших и боровшихся в бою... / И. С. Даниленко // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 9. – С. 18 – 22.
3. Коровин, В. М. Неродные учителя, мелкие служащие, небогатые торговцы, зажиточные крестьяне... получили статус «Ваше благородие» / В. М. Коровин // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 2. – С. 34 – 39.

ВИТЕБСКАЯ ГУБЕРНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ 1914 г. – СЕНТЯБРЬ 1915 г.)

М. М. Смольянинов, старший научный сотрудник;
Институт истории НАН Беларуси

Первая мировая война, 100-летие со дня начала которой исполнилось в 2014 г., явилась первым глобальным военным конфликтом в истории человечества. Развязанная правящими кругами двух группировок крупнейших государств – Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антанты (Англия, Франция, Россия), она втянула в свою орбиту 38 государств из 53 существовавших самостоятельных на тот период.

Белорусские губернии так же, как и земли Малороссии, Царства Польского, Лифляндии и Курляндии являлись форпостом Российской империи на западе и в первый же день войны были объявлены на военном положении. 18 июля (по старому стилю) началась мобилизация «чинов запаса» в действующую армию. Мобилизованными белорусских губерний комплектовались до штатов военного времени дислоцировавшиеся тут 2-й, 3-й, 4-й и 19-й армейские корпуса русской армии, состоявшие из дивизий, полков, артиллерийских бригад, других подразделений. В частности, на территории Витебской губернии мобилизованными пополнялись 25-я пехотная дивизия в составе 99-го Ивангородского и 100-го Островского пехотных полков, 106-й

Уфимский и 114-й Новоторжский пехотные полки, 25-я и 43-я артиллерийские бригады, 5-й железнодорожный батальон, другие части и подразделения, дислоцировавшиеся тут накануне войны [1, с. 14–15]. Кроме того, в дни мобилизации в Витебской губернии были сформированы 4 дружины Государственного ополчения: 376-я в Витебске, 362-я в Полоцке, 377-я в Лепеле, 384-я в Двинске.

Мобилизация чинов запаса была объявлена на 18 июля (по старому стилю) 1914 г. Прибыв в уездные воинские присутствия, мобилизованные проходили медицинский осмотр и признанные годными к военной службе направлялись на сборные пункты для отправки на пополнение частей действующей армии. Порядок их следования до сборных пунктов был определён следующий: если расстояние не превышало 10 км – пешим порядком, более 10 км – на подводах. Уже начиная с 20 июля разные по численности команды мобилизованных нижних чинов запаса двигались по дорогам губернии: из г. Городок через Сиротино – в Полоцк – 2000 человек, из Лепеля на Полоцк через Воронеч – 564 запасных и через Пышно – 540, из Сенно в Витебск – до 200 запасных, из Лепеля на Пышно – 600 человек и на Жары – 600 запасных, из Городка на Витебск через ст. Лосвида – 50 человек и т. д. [2, л. 1, 32, 41, 50, 56, 57].

В дни мобилизации в Витебской губернии имели место беспорядки: буйства и погромы казённых и частных винных лавок и погребов, а также помещичьих имений. Первые сигналы о буйствах мобилизованных чинов запаса витебскому губернатору М. В. Арцимовичу поступили уже 19 июля от жителей мест. Камень с просьбой защитить, о разграблении винных лавок сообщалось из Лепеля и Дриссы. Владелец имения Жары Григорович, чтобы не допустить разгрома имения, в котором имелся подвал со спиртом, просил губернатора «дать распоряжение об охране имения». С просьбой об охране населённого пункта Ушачи обращался староста местечка [2, л. 1, 2, 6].

Витебский губернатор тут же реагировал на обращения. Однако в его распоряжении значительных сил полиции не было. Направляемые по его распоряжению полицейские стражи из двух-трёх человек для охраны угрожаемых объектов на пути следования мобилизованных не смогли предотвратить погромов. Несмотря на принятые меры, в дни мобилизации были разгромлены имения Жары и Пышно, винные лавки в Бочейково, Клястицах, Вороне и Воронице, Камене, Лепеле, Полоцке, Велиже и Сураже [2, л. 7, 10, 17, 18] и других местах. Всего только в пяти уездах Витебской губернии было разгромлено 27 казённых лавок [3, л. 9].

Основными причинами беспорядков и погромов явился запрет властями продажи спиртных напитков и закрытие в местах сборных пунктов и на пути следования команд мобилизованных винных лавок, а также допущенные местными властями случаи неорганизованности: не были своевременно поданы подводы для перевозки мобилизованных, не были обеспечены надёжная охрана питейных заведений и сопровождение колонн полицией.

В целом мобилизация чинов запаса и ратников ополчения в июльские дни 1914 г. в Витебской губернии прошла успешно и в установленные сроки. Об этом витебский губернатор сообщал Министру внутренних дел: «Объявленная мобилизация армии, благодаря подробной разработке мобилизационных планов и детальному ознакомлению с ними лиц, на коих возложено ближайшее руководство мобилизаций на местах вверенной мне губернии, прошла успешно и никаких отступлений... от планов допущено не было. Так же успешно закончилась и поставка в войска лошадей, не вызвавшая в последствии никаких со стороны населения жалоб» [3, л. 9].

В дни мобилизации в Витебской губернии были добровольцы для поступления на службу в действующую армию. Например, в 100-й пехотный Островский полк добровольно поступили и были зачислены на службу студент (сын генерал-майора) Урбанович Константин Иванович, вольноопределяющимся был зачислен окончивший Витебскую мужскую гимназию дворянин Витебска студент Шашковский Сергей Константинович [5, л. 2]. В сохранившемся в архиве формулярном списке поступивших на службу добровольцев насчитывалось 74 человека. В основном это были крестьяне-землепашцы и мещане Витебской губернии.

Мобилизованные чины запаса Витебской губернии пополнили части и подразделения 25-й, 27-й и 29-й пехотных дивизий и вместе с другими влились в состав 1-й армии Северо-Западного фронта (главнокомандующий генерал П. К. Ренненкампф), направленного в Восточную Пруссию против германских войск. Принимали участие в сражениях, имели как успехи, так и неудачи. Причинами неудач с большими потерями являлись военно-техническая отсталость войск перед противником, плохое взаимодействие соединений, плохая радиосвязь, позволявшая германцам перехватывать отдаваемые командованием русских войск приказы и распоряжения и оперировать своими войсками, отсутствие хорошей разведки. Всё это позволило противнику взять стратегическую инициативу в свои руки и в 1915 г. перенести главный театр военных действий с Западного фронта, направленного против французов, на Восточный – против русских с целью окружения и разгрома их армий в пределах Польши, затем обрушиться на французов.

Верховное командование русской армии, чтобы избежать катастрофы, стало поспешно отводить войска вглубь своей территории, выселяя население, обращая его в беженство, подвергая разрушению и сожжению всего на оставляемой местности. В результате применяемой тактики «выжженной земли» многочисленные массы людей из Волыни, пределов Польши, Лифляндии и Курляндии, западных уездов белорусских губерний, захватив самое необходимое, на подводах и пешим порядком двигались на восток. Белорусские земли в силу своего геополитического и военного положения уже в июне-июле 1915 г. стали первым пристанищем для них.

Основной поток беженцев двигался через Минскую и Могилёвскую губернии, направляясь в центральные губернии Российской империи. На

Витебск направлялись беженцы с северного участка фронта, занимаемого 10-й армией, с линии Вильно–Лида.

Следует сказать, что Витебск и Двинск уже в апреле 1915 г., по словам сообщения М. В. Арцимовича Главному начальнику Виленского военного округа, были «перегружены пришлым населением». Ввиду переполнения Витебска и Двинска, других городов губернии войсками, госпиталями, «беженцами» он просил «более не направлять в губернию выселяемых беженцев». Об этом он телеграфировал и гродненскому губернатору [6, л. 2, 4].

Однако под давлением наступавших германских войск и отступавших русских обращения к Витебскому губернатору с просьбами об «оказании содействия по размещению» эвакуированных учреждений и беженцев продолжали поступать и с каждым днём их становилось всё больше. Неоднократно с такими просьбами обращались губернаторы Сувалкской, Ковенской, Курляндской и Виленской губерний. Губернатор М. В. Арцимович, несмотря на огромные сложности, почти в каждом случае проявлял к просьбам своё участливое отношение. Так, 25 апреля на поступившее из Вильно телеграфное сообщение о направлении в Полоцк почтово-телеграфного ведомства Ковенской губернии с просьбой оказать содействие по размещению, губернатором было отдано распоряжение местным властям принять меры по размещению его в Полоцке [6, л. 26, 27]. 27 июля из Вильно просили о содействии в размещении направленных в Витебск учреждений Сувалкской губернии. В Витебск прибыли эвакуированные из Риги Мариинский детский приют численностью более 90 человек и из Ковно детский сиротский приют [6, л. 58, 80].

Кроме того, через Витебск следовали эшелоны с беженцами из Гродненской губернии, Лифляндии и Курляндии. Сообщая об этом Главному начальнику военных снабжений Северо-Западного фронта и о том, что он принимает «все возможные меры по устройству их и организации питания», М. В. Арцимович просил об отпуске денежного кредита. Кредит в сумме 25 тыс. рублей «на питание беженцев и постройку для них барачков» был выделен [6, л. 78]. 8 июля из Риги прибыл в Витебск эшелон с выселенцами-цыганами численностью около тысячи человек с их лошадьми и повозками, 14 и 27 июля – два эшелона из 24-х и 32-х вагонов с беженцами – евреями, для которых также было организовано питание. Причём большая часть цыган была отправлена в Витебский уезд, остальные цыгане и евреи проследовали через Смоленск во внутренние губернии России. 11 июля сообщалось о направлении 43-х вагонов с беженцами из Двинска в Полоцк и Витебск [6, л. 42, 49, 72].

Тем временем (11 июля) Витебская комиссия по расквартированию войск и воинских учреждений на своём заседании «пришла к заключению, что ввиду необходимости расквартировать в Витебске войска и воинские учреждения, в дальнейшем не представляется возможным направлять в Витебск эвакуируемых из других городов гражданских учреждений и беженцев». «Разделяя» и ссылаясь на это решение, сообщая о нём в Вильно Главному

начальнику военного округа, витебский губернатор просил «распоряжений» [6, л. 37]. 14 июля из Вильно князь Н. Е. Туманов телеграфировал витебскому губернатору: «За переполнением Витебска прошу в случае эвакуации не направлять туда более гражданских учреждений и беженцев» [6, л. 45].

Фронт приближался к границам белорусских губерний. 4 августа начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего сообщил начальнику снабжений армий Северо-Западного фронта о том, что «Военно-промышленный комитет ходатайствует приступить теперь же к вывозу станков, заводского оборудования, рабочих Белостока, Двинска, Вильно» [7, л. 166].

В Витебской губернии ещё 1 августа 1915 г. по поручению губернатора старшим фабричным инспектором было объявлено владельцам фабрик и заводов сообщить о желании эвакуировать свои заведения во внутренние губернии империи. Вскоре поступило более 50 заявлений, преимущественно из г. Двинска, где уже в августе была проведена эвакуация. В списке фирм, владельцы которых изъявили желание вывезти оборудование в названные ими пункты, были табачная фабрика из Полоцка, кожевенный завод и очковая и табачная фабрики из Витебска и др. [8, л. 42].

Обращения владельцев об эвакуации предприятий и имущества особенно массовый характер приняли в дни совершения германскими войсками Свенцянского прорыва фронта. Созданная 5 сентября 1915 г. Особая комиссия по эвакуации оборудования фабрик и заводов Витебской губернии работала почти ежедневно, рассмотрев в своих заседаниях с 5 по 29 сентября около 160 заявлений владельцев. Плотный график её работы в значительной мере был обусловлен скоплением на территории губернии ранее эвакуированных предприятий из Варшавы, Шавли, Риги, других мест, владельцы которых теперь обратились с ходатайствами о повторной эвакуации в города Центральной России – Москву, Орёл, Тулу, Нижний Новгород, Кострому, Вятку, Харьков, Ярославль и др. места [9, л. 5–12].

«При рассмотрении ходатайств об эвакуации, – было отмечено в одном из журналов заседаний, – Особая комиссия в первую очередь рассматривала ходатайства беженцев из других губерний при желании их эвакуировать дальше из Витебской губернии» и принимала решение о выдаче требований на провоз по железным дорогам оборудования, рабочих и служащих, имущества как на казённый счёт, так и (в большинстве) за счёт просителей [9, л. 7].

По неполным сведениям Особой комиссией, по нашим подсчётам, было разрешено вывезти свыше 13600 пудов различных металлов как в изделиях, так и в чистом виде; около 40000 пудов выделанных кож и кожевенного сырья; 45000 пудов льна, 4350 пудов шерстяных и шёлковых тканей, белья, пряжи и др. мануфактуры; 1800 пудов скипидара, 80000 пудов оконного стекла, 10000 пудов толи и много другого имущества. Причём, разрешения выдавались на вывоз только того, что комиссией признавалось «необходимым в государственных интересах» и было предписано выделить для перевозки в

общей сложности более 1000 железнодорожных вагонов и платформ [9, л. 1–16].

С ликвидацией Свенцянского прорыва и стабилизацией фронта по линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск эвакуационные мероприятия стали прекращаться. В Витебской губернии они были осуществлены не до конца.

Таким образом, Витебская губерния была важной составной форпоста Российской империи на западе. Уже в первый день мировой войны её территория была объявлена на военном положении. Население губернии в дни мобилизации стало надёжным источником для быстрого пополнения до штатов военного времени дислоцировавшихся на её территории частей Русской армии, выдвинутых затем в места боевых действий. После неудач в сражениях, с самого начала «великого отступления» русских войск в глубь своей страны, территория Витебской губернии стала стратегически важной на подступах к столицам Российской империи – Петрограду и Москве. Располагавшиеся на территории губернии три крупных железнодорожных узла – Двинск, Полоцк и Витебск – играли огромную роль в перемещении войск, военной техники и вооружения, в снабжении фронта продовольствием и фуражом.

Территория губернии и её население приняли на себя большой груз по размещению войск, военных госпиталей и лазаретов, эвакуированных с занятых противником территорий населения, предприятий и учреждений. В августе 1915 г. в периодической печати отмечалось, что «по всем шоссейным и просёлочным дорогам Северо-западной части Витебской губернии тянутся длинными вереницами подводы с беженцами». В октябре-ноябре 1915 г. через Пышно, Лепель, Бешенковичи, Витебск проследовало до 400 тыс. беженцев из Виленской, Гродненской, Ковенской и др. губерний, направлявшихся в Тверскую губернию и дальше. На пути Пышно – Витебск для беженцев было организовано 9 продовольственных пунктов, каждый рассчитанный на 3 тыс. человек. Только евреев с мая до конца 1915 г. прошло через Витебск около 80 тыс. человек. Много беженцев оседали в прифронтовой полосе. В Витебской губернии в конце 1915 г. таких насчитывалось более 90 тысяч человек [10, с. 79]. Забота о беженцах была возложена на губернское и уездные земства, а также Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, которые совместно с организациями Всероссийского Общества Красного Креста обеспечивали продовольствием, одеждой и медицинской помощью.

Список использованных источников и литературы:

1. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов. – Минск, 2014. – 317 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48806.
3. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48938.

4. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49069.
5. НИАБ. – Ф. 2795. Оп. 1. Д. 639.
6. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49191.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40.
8. НИАБ. – Ф. 1416. Оп. 1. Д. 2399.
9. РГВИА. – Ф. 1932. Оп. 1. Д. 168.
10. Липинский, Л. П. Крестьянское движение в Белоруссии в 1914 – 1917 гг. / Л. П. Липинский. – Минск, 1975.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БЕЛОРУССКИЕ БЕЖЕНЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ (1914–1918 гг.)

Н. Б. Щавлинский, доцент;
Белорусский национальный технический университет

Первая мировая война, начавшаяся в августе 1914 г., принесла народам Российской империи неисчислимы бедствия, голод, нищету и страдания. Особенно тяжелая участь постигла Беларусь, территория которой стала театром военных действий.

В первые же дни войны боевые действия развивались на территории некоторых европейских стран и явились более-менее успешными для России. Но уже в ноябре 1914 г. немецко-австрийские войска перешли в наступление и стремительно продвигались к границам Российской империи. Из прифронтовых районов Беларуси началось беженство. О первых беженцах сообщала газета «Наша Ніва» уже в декабре 1914 г.: «Цяжар вайны лёг перш за ўсё на плечы нашага народа, з пагранічных раёнаў бягуць натоўпамі да нас людзі, згубіўшы ўсё, што мелі, і вынесшыя з-пад куляў і бомбаў адны толькі свае галовы» [1, с. 1].

Беженство было не только добровольным, но и принудительным. Газета «Гомон» писала о принудительном выселении: «Па ўсёй Гродзеншчыне сотні вёсак спаленных або пустых. Гэта казакі выганялі сялян з родных хат – у Расею, а ўсё іх дабро палілі, калі быў на тое час...» [2, с. 144].

После оккупации германскими войсками осенью 1915 г. Западной части Беларуси беженство приняло массовый характер. Только в Минской губернии на 18 декабря 1915 г. их насчитывалось 92306 человек [3, л. 55]. В Тамбовской и Самарской губерниях количество беженцев из Беларуси достигло 126 916. Всего же на 1 февраля 1917 г. количество беженцев из 5 западных губерний на территории России составило 1 130 042 человека, в том числе из Гродненской – 750 680, Виленской – 164 351, Минской – 161 453, Витебской – 51 594, Могилевской – 1 964 человека [4, с. 57].